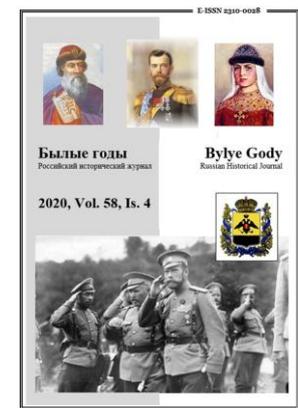

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
 Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 58. Is. 4. pp. 2336-2345. 2020
 DOI: 10.13187/bg.2020.4.2336
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Flour and Bread in the Life Support of the Tunguses of Central and Southern Siberia in the second half of XVII – early XX centuries

Milana V. Ragulina ^{a, b, *}, Anna A. Sirina ^c

^a V.B. Sochava Institute of Geography Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russian Federation

^b Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

^c Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article discusses the entry of flour and bread into the culture of local groups of Tungus (nowadays Evenks) in Central and Southern Siberia. It was happened due to the fall of the sable trade, which produced the long and complex dynamics of the Evenkis' life support systems, including the introduction of flour and bread into the Tungus culture. The *yasak* tribute collectors were supposed to prevent the leakage of furs to the peasants. At the same time, they had to allow exchange relations between the Tungus and Russians. Thus, the basis was made for the creation of an extensive unofficial network of social interaction, mutual survival and cultural contacts, where bread played an important role. The influence of social and environmental crises on the restructuring of energy sources of the Tungus life support is shown. The symbolic role of flour food is traced. The significance of flour food for the formation of hybrid forms of nature use and management is considered. The peculiarities of the flour supply chains and the contradictory social relations associated with them are revealed. From an unfamiliar and rejected product in less than two centuries, flour becomes a strategic resource important for the survival of all the Tungus groups, regardless of their economic practices: hunters and reindeer herders, hunters and pastoralists, hunters and farmers of mixed origin with Russian peasants, who were moving to a settled way of life. The value of flour is reflected in everyday practices, spiritual culture, and the development of cooking and baking technologies. The formal economy of supplying the Tungus with flour created opportunities for informal economic relations connected with flour, including gift giving, sharing, exchange, meals and treat. Thus, a comprehensive informal network of mutual social and economic relations was established, supporting the energy balance of the Tungus life. Gradually, the main social and cultural capital of the region was created – the Siberian multi-ethnic social environment.

Keywords: Siberia, Tunguses, Evenks, flour, bread, traditional life support, economic relations, multi-ethnic social environment

1. Введение

Хлеб и мука вошли в культуру и социальную жизнь тунгусов с момента первых русско-тунгусских контактов в XVII в. и на протяжении XVIII–XIX вв. их значение возрастало. Тунгусы хлеб покупали, обменивали, выращивали, его внедрению способствовали определенные социальные отношения. С момента присоединения Восточной Сибири довольно быстро снизилась продуктивность соболиного промысла и ясачная платежеспособность коренных народов. Стремительно возросла численность русского земледельческо-промыслового населения, сети деревень и заимок подошли к границам угодий тунгусов, сдвинули их кочевья из крупных речных долин. Волостные и инородческие администрации, чиновники, крестьяне соседних с кочевьями

* Corresponding author

E-mail addresses: milanara@yandex.ru (M.V. Ragulina)

селений, купцы, оседлые новокрещенные тунгусы вступали с кочующими тунгусами в обменные отношения, в которых, как и у многих коренных жителей Севера и Сибири, трудно разграничить «дар», «дань» и «торговлю» (Ssorin-Chaikov, 2003). Неравномерность вхождения муки и хлеба в жизнь тунгусов находилась под влиянием ландшафтных условий, мобильности, ресурсной базы тунгусских и русских крестьянских хозяйств. Сети торговых и обменных связей были важны для всех их участников и отличались локальной вариативностью. Прерывание отлаженной работы государственных каналов и неформальных сетей снабжения мукой в результате кризисов и революций вело к недостатку пищевых ресурсов. Потребление и выращивание некоторыми группами тунгусов зерновых, участие в обмене и дарообмене, товарных отношениях имело символические, культурные и социальные последствия, в разной степени отразившиеся на формировании локальных особенностей жизнеобеспечения тунгусов.

2. Материалы и методы

Основу работы составили архивные документы Государственного архива Иркутской области (ГАИО) и Национального архива Республики Бурятия (НАРБ), статистико-экономические и этнографические описания тунгусов XIX в., работы по проблемам жизнеобеспечения, этнографии и культурной антропологии, истории Сибири. Результаты полевых исследований, воспоминания старожилов, фольклор, интервью дополнили источники дореволюционного периода. Используются данные по питанию тунгусов Прибайкалья и Забайкалья, отнесенных по уставу 1822 г. к Киренско-Хандинской, Тутурской, Очеульской, Нижнеилимской, Курейской и Кондогирской, Шемагирской, Чильчагирской инородным управам.

Методология работы следует системным и этноисторическим идеям в русле культурной антропологии и этнографии народов Сибири. Эти идеи позволили представить систему питания эвенков как динамичную совокупность природных, социальных, культурных взаимосвязанных компонентов. Мы использовали сравнительно-исторический и историко-географический подходы, с помощью которых описали временные границы вхождения муки в культуру эвенков, особенности обеспечения покупным продовольствием, роль зерновых в питании тунгусов, характер проявления аккультурационных процессов, связанных с заимствованием хлебопашества и увеличением потребления муки.

3. Обсуждение

Начальные сведения о вхождении хлеба в культуру тунгусов с XVII в. содержатся в документах Илимской приказной избы (Шерстобоев, 1949; Шерстобоев, 1957). Материалы фольклора тунгусов отражают отношения обмена, дарообмена, восприятие хлеба и муки (Воскобойников, 1967; Василевич, 1936; Василевич, 1966; Шубин, 2007). Этнографические описания XIX в. содержат информацию о различиях хозяйства территориальных групп (Спасский, 1822; Орлов, 1857; Кларк, 1863). Статистические и землеустроительные обследования первых лет Советской власти и работа Комитета Севера отразили жизнеобеспечение тунгусов, сложившееся в предреволюционные годы, и отношение к муке на пороге коренных политико-экономических перемен (Петри, 1930; Самохин, 1929; Материалы Приполярной..., 1929). С помощью антропогеографического, этнологического и историко-культурного подходов выявлено изменение роли хлеба и муки в территориальных группах: от основы пропитания к подспорью (Попов, 1926: 7-8). В рамках общей картины хозяйства на основе полевых материалов и архивных документов изучены качественный состав, сезонность, техника обработки и приготовления мучной пищи, различия жизнеобеспечения территориальных групп (Василевич 1969; Туголуков, 1985; Шубин, 2007). Эвенки получали муку, находясь в сложных патерналистских и в то же время рыночных отношениях с государством, смешивая эквивалентный и неэквивалентный обмен, дарообмен и торговлю (Ssorin-Chaikov, 2003; Сирина, Давыдов, 2017). Важной методологической вехой в исследовании темы стал этноэкологический анализ балансов жизнеобеспечения эвенков Средней Сибири с учетом потребления добытой продукции и покупного продовольствия (Рагулина, 2000). Питание эвенков Якутии (Алексеева, 2012) и Дальнего Востока (Старцев, 2010) изучено в контексте трансформации этнических традиций. Культурологический анализ и семантика хлеба представлены в системе кормящего ландшафта тунгусо-маньчжурских народов Приамурья (Иващенко, 2011). Исследование муки в культуре селькупов (Тучков, 2015) позволило наметить кросс-культурные параллели с эвенками. В то же время воздействие покупного продовольствия на прибайкальских и забайкальских тунгусов с точки зрения социальных и культурно-хозяйственных трансформаций изучено недостаточно. Сказанное относится и к формированию сетей взаимодействия местного населения, гибридных хозяйственных систем, имеется недооценка распространения, роли и социальных последствий мучной пищи в жизни тунгусов, поэтому настоящая работа ориентирована на восполнение пробела.

4. Результаты

Культура тунгусов соприкоснулась с мукой и хлебом с момента появления русских. Коренное население выплачивало соболями натуральную повинность – ясак, получая взамен вознаграждение. Хлеб был новшеством, и тунгусы предпочитали другие виды «подарков»: в 1703 г. тунгусские десятники Верхне-Илимской волости просили выдать им «вместо мясного и хлебного корму – табаку. Подарки составили 6 фунтов олова, 4 фунта одекую (бисера) и фунт табаку» (Шерстобоев, 1949: 537). Неприятие хлеба отражено в предании о первом контакте русских с эвенками на северном Байкале. «...Русские приближались к берегу очень осторожно. Долго маячили на море (Байкале – Авт.), белели, как снег, большие лодки.... На берегу пришельцы развели костер, сварили пищу. ... Пробыли на берегу они недолго, понимая, что за ними пристально следят. Оставив на берегу много вещей и пищи, ушли в море. ... Решили попробовать пищу. Первой попробовала женщина-старуха, откусив кусочек хлеба, тут же выплюнула: «Чавидя!» – воскликнула она. Чавидя – глина. Сладкие кушанья понравились всем. Все съели моментально» (Шубин, 2007: 176). Такая же стратегия выпускать на контакт с неведомым и потому потенциально опасным людям была у юкагиров: похожее предание о первом «вкусовом» контакте с русскими записано В.И. Иохельсоном (Сирина, Шинковой, 2007). Непривычность хлеба в первые годы контакта с русскими отражена в фольклоре селькупов (Тучков, 2015: 100).

К концу XVII в. резко снизилась численность соболя. Собрать ясак становилось все труднее, местные воеводы шли на крайности: в 1685 г. около двухсот ангарских тунгусов за недобор ясака были избиты, «поставлены на правеж» (Никульшин, 1939: 12). Центральная власть призывала воевод к лояльности, не позволяла отводить под пашни земли, заботилась о предотвращении пожаров в тунгусских угодьях. И все же промысел соболя падал, тунгусы беднели. Об этом говорит донесение 1694 г.: «... потому что кругом илимских ясачных волостей многие поселены крестьяне и построились деревнями ... И ходят, де они, ясачные люди, по лесом для промыслу всю зиму со всяким радением. И ясачных де зверей в старых их породных местех не стало... А которую рухлядь оне уловят – берут в ясак ясачные зборщики всю без остатку. И на корм, и на одежду не оставляют. А деньгами им платить – взять денег негде и продать нечево. А руским людем на деньги работы никакие работать не умеют...» (Шерстобоев, 1949: 542-544). Уже в 1699–1701 гг. за 16 месяцев в счет уплаты дани у илимских тунгусов, кроме соболей, были взяты выдры, рыси, росомахи, горностаи, «53 половинки лосиных..., 90 1/2 пудов рыбы» (Шерстобоев, 1949: 546).

Сфера торговли, и прежде всего пушницей, с сибирскими «иноземцами» была под особым контролем властей (Конев, 2017: 45). Наказ ясачным сборщикам от 1726 г. призывал смотреть, «чтобы ясачные люди не жили в деревнях у крестьян и не шатались бы», по величине ясака одаривать тунгусов оловом и табаком, следить, чтобы никто с тунгусами не торговал. «Если у тунгусов пушнины нет, то пусть покупают для сдачи сами. Но если купить не смогут, то за соболя брать деньгами, ... по величине ясака давать подарки» (Шерстобоев, 1949: 549). Так, тунгусы должны купить пушнину, а контактировать с крестьянами, тем более торговать мехами, было запрещено.

В результате случился многомерный природно-социальный кризис. Ему способствовал жесткий контроль государства и стремление извлечь ресурсы любой ценой. Хотя полностью пресечь несанкционированную пушную торговлю не удавалось, но существенный объем пушнины был временно изъят из легального торгового оборота (Конев, 2017: 45). Обратим внимание, что «в зачет» соболей шли продукты потребления семьи, а поиск пушнины стал изматывающим занятием. В итоге на одном полюсе отношений государства и тунгусов оказался нереалистичный размер дани, на другом – «подарки и поминки», которые почти ничего не стоили казне: конфискованный китайский табак, немного олова и бисера. Для уплаты дани нужно было вступить в полулегальные товарно-денежные отношения, нарушив предписанные самим же воеводой правила. Следовало продать продовольствие и сырье, которые потребляла семья, выручить деньги, заплатить ими ясак и получить «подарки и поминки», «ласку и привет». Экономический и соционормативный конфликт пробил в системе питания брешь, с заполнением которой охота и рыболовство уже не справлялись. Так возникла необходимость в муке.

С этого времени тунгусское жизнеобеспечение балансировало на грани чередующихся кризисов. Успешность промысла копытных и пушнины колебалась в широких пределах в зависимости от природных условий, антропогенной нагрузки, в том числе объемов добычи русскими промысловиками, пожаров, отчуждения угодий под пашни и прииски. Тунгусы часто страдали от эпидемий: отчет 1830 г. Киренско-Хандинской инородной управы объясняет периоды неустойчивости промысла тем, что случается «повальная болезнь горячка... и самые лучшие промышленники умерли, а иногда зверей весьма мало в лесах в урожае бывает, ... да и цены прежде на все звери, как то белка от 50 до 60 копеек, а на другой год вдруг унизятся цены оной только от 25 до 30 копеек, а равно таким порядком и все прочие звериные шкуры» (ГАИО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 3. Л. 141). На уровне жизни сказывались колебания хлебных цен на Ирбитской и Нижегородской ярмарках (Кларк, 1863: 93). В Нижнеилимской управе в 1830 г. пуд муки продавался по стоимости 4–5 белок, в 1835 он подорожал вдвое, а к 1865 г. более чем в три раза, доходя до 15 шкурок (ГАИО. Ф. 461. Оп. 2. Д. 7. Л. 7-8).

Мука восполнила дефицит пищевых ресурсов, так как имела высокую питательную ценность, была относительно доступна, не требовала особых кулинарных навыков, мало портилась. Тунгусы получали ее через государственные хлебозапасные магазины, от купцов, крестьян соседних с кочевьями деревень и оседающих новокрещеных тунгусов.

Государство организовывало хлебозапасные магазины, которые тунгусы называли «казной», так же, как и русскую власть (Василевич, 1966: 362). Муку выдавали тем, кто потерял оленей и обеднел «в количествах, соразмерных с испытанною потребностью каждого тунгуса», но стоимость ее эвенки должны были впоследствии возместить (ГАИО. Ф. 24. Оп. 7. Д. 21. Л. 27). Хлебозапасные магазины на территории инородных управ были разнотипные: новокрещеных полуоседлых тунгусов Верхоленья они снабжали не мукой, а семенным зерном. Тутурский шуленга Тыжегиров доносит Иркутскому земскому суду в 1817 г., что «из экономических магазейнов хлеб будет роздан на посев, а не на пропитание», прилагая поименный список тунгусов, где доля зерна для каждого хозяйства пропорциональна числу ревизских душ и расчищенной из-под леса пашне (ГАИО. Ф. 387. Оп. 1. Д. 8. Л. 3). В конце XIX – начале XX вв. патерналистские функции снабжения мукой смещаются от государства к купечеству (Сирина, Давыдов, 2017). У забайкальских тунгусов Шемагирского рода общественный капитал, складывавшийся из арендных сумм за чернолесье и реки, расходовался главным образом на снабжение мукой и товарами. Их поставляли по приговору суглана в общественный магазин, откуда товары и продукты бесплатно забирали члены рода. В 1910 г. купец В. Жмотов с вознаграждением 10 % комиссионных поставил 54 наименования товаров и продуктов, среди которых было 393 пуда ржаной муки, 5 кулей крупчатки первого сорта, 12 пудов скотского масла, 1 пуд 35 фунтов сахара (НАРБ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 19. Л. 57-570б.). Рыбпромышленник С.П. Сверлов оптом продавал общественному магазину родового управления киндигирских тунгусов муку: в 1903 г. – 200 пудов ржаной муки по 1 р. 60 к. пуд. Купцы-скупщики пушнины иногда держали свои магазины, как, например, магазин купца М.А. Новомейского в Душкачане (НАРБ. Ф.328. Д. 36. Л. 90б.).

Продовольственный кризис присутствует в преданиях, например, записанном Г.М. Василевич на р. Тычаны со слов неграмотного эвенка Дюлипчи Момо. «Перестал расти на Ангаре хлеб. Забрасывались (букв.: умирали) с каждым годом пашни. В то время эвенкам было очень трудно, они голодали. Оленей было мало: у кого пять, у кого шесть. Начали эвенки есть глину. Они сушили глину на костре, говоря: «Пусть хорошенько просохнет», – и мешали глину с мукой. Казенных запасных магазинов не стало... В то время появились купцы и начали торговать... Стали лучше питаться. Раньше ели рожь, тогда еще не было крупчатки. Купцы стали лучше кормить их. Олени стали размножаться, их перестали есть. Много зверя – лосей стало. Прошла еще сотня лет. Тогда родился мой отец. Мой отец был бедняком. Ничего не имел, и оленей у него не было. Когда женился, взял он в приданое двух теленков. Потом выросло десять оленей. Дальше он лучше стал промыслять... Купцы за один раз давали много муки» (Василевич, 1966: 296-297).

Время, о котором повествует начало предания, – середина XVIII в. Четко проступают взаимосвязи между продуктивностью промысла и обеспеченностью оленями: эвенки, вынужденные из-за голода забивать их на мясо, становились менее мобильными и добычливыми, беднели и с трудом выжили бы без муки. Однако в литературе с XIX в. укрепилось мнение о преимущественно натуральном характере жизнеобеспечения тунгусов, заимствовании хлеба благодаря подражанию, а не необходимости. Тунгусы, «встречаясь с русскими в тайге и получая от них хлеб, привыкли к хлебной пище и теперь, через несколько месяцев, постоянно выходят к русским селениям для заготовления себе хлебного продовольствия» (Орлов, 1857: 180-181). Документы также объясняют потребление хлеба подражанием: «инородцы по бродячей жизни посевом хлеба не занимаются, потому что они более расположены к мясу и рыбе. ... А ежели они употребляют хлеб, то самую малость, и смотря на лице оных, которые ведут жизнь при хлебопашестве» (ГАИО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 3. Л. 141.). Объемы этой «самой малости» в дореволюционное время оставались невыясненными, поскольку статистические данные инородных управ фрагментарны. С.М. Широкогоров писал, что все отрасли хозяйства баунтовских тунгусов, учтенные статистикой, не обеспечивали их нужным для жизни количеством пищи, при этом «точность информации, данной тунгусами, не может вызывать сомнений, так как тунгусы обычно не лгут, и во всем, касающемся охоты, у них не было основания скрывать истину. Кроме того, тунгусы очень точно знают число убитых ими животных» (Широкогоров, 2017: 61).

Метод расчета балансов энергии, поступающей с пищей, предложил и использовал для арктических народов И.И. Крупник (Крупник, 1989). Чтобы определить значение покупного и натурального продовольствия, сопоставляется энергетическая ценность (калорийность) потребленной продукции и необходимые для выживания затраты энергии. Обширный собранный по одной методике массив данных по хозяйству народов Сибири дала Приполярная перепись (Приполярная..., 1928). Эти данные отражают его состояние накануне масштабной трансформации. Советская власть и Комитет Севера к 1926 г. еще не успели отладить сеть централизованного снабжения тунгусов, поэтому сведения переписи сопоставимы с фрагментарными сведениями документов инородных управ и могут быть экстраполированы на последние предреволюционные

десятилетия. По материалам Приполярной переписи 1926/27 гг. М.В. Рагулиной выяснено, что у всех групп эвенков территории современной Иркутской области, охваченных обследованием, покупное продовольствие, и прежде всего мука, занимают от 54 до 117 % в удовлетворении минимальных энергетических потребностей – предложенного И.И. Крупником «уровня выживания» (Крупник, 1989). Доля добытого продовольствия (мясо, рыба, птица, дикоросы) составляет от 10 до 103 %, значительно варьируя по территориальным группам. При этом высокие показатели самообеспечения за счет потребительского промысла, рыболовства и сбора дикоросов (79–103 % от уровня выживания) имели 433 эвенка (жители Усть-Кутского, Бодайбинского и Чечуйского районов Иркутской губернии) из общего количества 2033 обследованных. Любопытно, что около 80–100 % потребностей эти же эвенки удовлетворяли за счет покупной еды (Рагулина, 2000:110-112). Чем дальше от центров земледельческой колонизации находились места проживания тунгусов, тем меньшую роль в их снабжении имела мука. Однако и там она была востребована как повседневная пища в виде лепешек, а также пищевой ресурс на случай голода: «в некоторых местах тайги, как ни странно, население питается мукой и только мукой. Мясная пища, которую так естественно было бы встретить у таежного населения, фигурирует как исключение, в праздничные дни... Тунгусы промышляют почти исключительно белку, которую сдают русским, и потому без продуктов, доставляемых русскими, существовать не могут» (Попов, 1926: 28-29). Поэтому ситуация установившегося на рубеже XIX–XX вв. равновесия потребительской и товарной охоты, «каждая их которых, дополняя друг друга, обеспечивала прожиточный минимум эвенкийской семье» (Бычков, 2003: 18), была не настолько широко распространена, как это принято считать.

Символическую ценность хлеба отразил фольклор. Сказка «Чокондон», записанная Г.М. Воскобойниковым в п. Холодное Северо-Байкальского района Бурятской АССР создана под влиянием русской сказки о морском царе. Она переложена на свой лад оленными эвенками. Богатый тунгус «развозит свое хозяйство» к морю (Байкалу – Авт.), встречает морского царя и обещает ему нерожденного сына: «Ламунэй был богачом, жена его осталась с оленями». Собирая сына в дорогу к царю, мать дает ему дорожные продукты: «хлеба, лепешку, чаю, соли дала». Хлеб и лепешка здесь – статусные продукты, признак состоятельного хозяина. Подобные параллели отмечены у народов Приамурья: уже в XIX в. обеспеченность семьи определялась по запасам покупной еды, которая стала признаком богатства, а ее «поставщики» – купцы – имели позитивный образ (Иващенко, 2011: 201).

Восприятие хлеба отражено в предании, записанном Г.М. Василевич в п. Токма. В нем русские бродяги нападают на стойбище, захватывают силой девушек, убив их брата, и ведут в деревню. Одна из девушек, развесив на ветвях кусочки «русского хлеба», ночью сбегает от похитителей. Подкрепляясь по пути этим хлебом, а также найденной тушей задавленного медведем лося, она возвращается на стойбище (Василевич, 1966: 81-82). Любопытно, что негативное отношение к русским разбойникам не переносится на хлеб: как в сказке братьев Grimm «Гензель и Гретель», кусочки хлеба спасают, указывают путь, а также мирно соседствуют с традиционной мясной пищей.

Глубокий символизм родства соединяет семью, муку и молоко в сказке верхоленских эвенков: женщина печет калачики на своем грудном молоке для сына. «Мужчине большой, богатырище, мальчика схватил. Встретясь, ничего не говоря, стал давить. Убить собрался мальчика. Мальчик калачик из-за пазухи вынул, мужчине в рот сунул. Мужчине стал жевал, жевал, проглотил.... Этот калачик каков (почему) матерью пахнет? ... Мужчина мальчика обнял, понюхал (поцеловал), сказал: “Ты мой младший брат”» (Василевич, 1936: 169). Мурчены (конные баргузинские эвенки) регулировали отношение к хлебу через ряд запретов «нэлэм». Запрет топтать хлеб они обосновывали следующим мифологическим преданием: «Знай, что хлеб был дан Богом собаке, а не человеку. Вот что произошло когда-то. Раньше хлеба было вдоволь. Зерна росли от самого корня до верхушки стебля. Однажды женщина пучком хлеба убрала детские испражнения. Все видящий Бог был разгневан на нее и в ее лице на всех людей. Схватил стебель с зерном и хотел вообще уничтожить, чтобы людям неблагоприятным не оставить ни одного зерна. Но вмешалась собака. Она робко попросила у Бога оставить немного зерна. Бог пожалел собаку и оставил ей на вершине стебля колос» (Шубин 2007: 193). В детской сказке, записанной у катангских эвенков, герой, встречая разных животных, спрашивает их: «Что ешь?», – доходит черед до человека, который отвечает: «Хлеб ем». Встретив собаку, герой получает ответ: «Кожу, хлеб, мясо ем» (Василевич, 1936: 130-131). Тунгусы ербогаченской группы кочевали с оленями, сами не занимались земледелием, но в сказке основной пищей человека назван хлеб. Его ест и собака: ербогаченские оленные тунгусы, так же, как и конные мурчены, и верхоленские полусоседские группы по примеру русского промыслового населения кормили охотничьих собак мучной болтушкой – разведенной и запаренной в воде или бульоне мукой.

Так, фольклорный материал подтверждает данные статистики о широком и прочном вхождении хлеба в жизнеобеспечение эвенков и находится в противоречии с устоявшейся точкой зрения об обеспечении их прожиточного минимума исключительно за счет натуральной продукции охоты и рыболовства.

Специализация в производстве продуктов питания была связана с разными этническими группами. Хотя большая часть тунгусов Прибайкалья занималась охотой, рыболовством и оленеводством, а в Забайкалье, помимо этого, эвенки занимались скотоводством и промыслом нерпы,

в XVIII–XIX вв. движение к русскому типу хозяйства начали некоторые локальные группы, расселенные на территории Тутурской (ГАИО. Ф. 387. Оп. ОЦ. Д. 5. Л. 14), Нижнеилимской (ГАИО. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1. Л. 94), Киренско-Хандинской (ГАИО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 3. Л. 141) инородных управ. Формы хозяйства таких тунгусов из-за соседства и кровных связей с русскими старожилыми и бурятами имели гибридный характер: сосуществование оленеводства и скотоводства, земледелия и охоты в нескольких десятках микролокальных вариантах (Рагулина, 2009: 112). Хотя гибридные формы были внутренне противоречивы, их устойчивость обеспечивали социальные связи и переплетения экономических, культурных, бытовых практик повседневности. Все это отражалось в системе питания, когда самостоятельно произведенными либо полученными в результате обмена могли быть зерновые, картофель, продукция собирательства, скотоводства, охоты и рыболовства. Излишки обменивались внутри своих, переходных и соседних иноэтничных групп, что вело к более тесным социальным связям. Например, тунгусов Баргузинского Прибайкалья снабжали хлебом русские верхоленские крестьяне; скот и лошадей заводили через бурят и русских. Байкальские тунгусы были связаны поставками хлеба с Верхней Леной и Северным Байкалом. На Нижней Тунгуске установился торговый обмен между тунгусами и русскими крестьянами-старожилыми, снабжавшими тунгусов хлебом и табаком в обмен на доступ к тайге и охоте, продукты мясного и пушного промысла.

«Раньше с охоты выйдешь, собираешь всю пушнину, все сшитые рукавицы и обувь, сушеное и свежемороженое мясо и рыбу и загружаешь на пару, а некоторый раз на тройку лошадей и выезжаешь к русским. В первую очередь купец бежит за пушниной и кое-что еще возьмет, а остальное распродашь, обменяешь на муку и мясцо, больше погуляешь, пьешь водку и самогонку и обратно едешь с продуктами на год. Так это делали тунгусы, жившие далеко от русских» (Бурлаев, 2019: 237).

Прерывание сети сложившихся торговых и обменных связей между местным населением и купцами в результате политических потрясений и кризисов всегда вело к недостатку пищевых ресурсов, поскольку тунгусы не делали запасов, а прямо обменивали пушнину и другую продукцию на муку и нужные товары, часто в долг.

Наладить снабжение после революции из-за распада прежних торговых связей, искусственного обострения социальных противоречий и последствий экономического кризиса было непросто. Поскольку связи нарушились, эвенки вынуждены были заводить пашню. На вопрос врача, посланного Комитетом Севера, хандинские тунгусы отвечали, что у них мало пашни, невысокий урожай, «хлеба не достает и на треть года, но и то жить легче, ведь у нас хлеб дорог, а главное, достать его негде...» (ГАИО. Ф. р-2375. Оп. 1. Д. 1. Л. 75). Связи частично восстановились, когда в приленской тайге сложилась система эвенкийских колхозов, гощение и угощение (отложенный или прямой обмен) гостинцами хандинцев и русских из с. Карам (Бурлаев, 2019: 338).

Технология приготовления мучной пищи имеет кросскультурные параллели, сходные с селькупскими, якутскими, ненскими, народами Приамурья. Первоначально мука вошла в обиход как заправка похлебки, также архаичны испеченные в золе или на камне лепешки. Жаренные в жиру на сковороде лепешки были лакомством. «Всюду, где тунгусы подвержены русскому влиянию, они не только говорят по-русски, но и пекут хлеб», – отмечает Н.В. Попов, изучавший енисейских эвенков, – «чем дальше на север, тем меньше слышится в тунгусских чумах русская речь, тем реже печется на сковородах лепешка..., по Подкаменной Тунгуске тунгусы из муки умеют готовить не только лепешки, но и кислые русские хлебы» (Попов, 1926: 8). Однако чаще хлеб выпекали пресный. Учитывая то, что в рационе эвенков преобладала ржаная мука, для выпечки хлеба из нее нужны время расстойки, высокие температуры, хлеб мог выйти липким (вспомним возглас, адресованный хлебу «чавидя!» – глина). Непропеченный «колобо» (хлеб) был причиной болезней желудочно-кишечного тракта. И кислый, выброженный на закваске хлеб часто не отличался качеством: уже упомянутый врач, обследовавший полуоседлых киренско-хандинских эвенков по заданию Комитета Севера, отметил широкое распространение катара желудка и у тунгусов, и у рядом живущих русских, «причиной которого стал плохой, тяжелый хлеб, который трудно измельчается зубами» (ГАИО. Ф. р-2375. Оп. 1. Д. 1. Л.810б.).

У неоседлых эвенков Забайкалья А.С. Шубин описал технологию приготовления «кислого хлеба»: он «изготавливался в печах в более длительный срок. Эвенки останавливались в одних и тех же местах, где в специальных печах из дикого камня выпекали хлеб. Такое сооружение, например, обнаружено на берегу реки Талакан. Сооружаются печи из камней плиточной формы. Труба отсутствует. Дрова, вероятно, подкладывались, как в обычную русскую печь. Таким образом, раскаляли камни, а затем пекли хлеб. Такая печь в длину доходила до 2–2,5 м, в ширину – 1,5 м, в высоту – 1 м» (Шубин, 2007: 34). Похожие уличные хлебные печи, только выполненные из обожженной глины, отмечены у всех групп селькупов, васюгано-ваховских хантов, кетов. Селькупские печи значительно меньше, их основание было 80–90 см в ширину и до 1,5 м в длину (Тучков, 2015: 103-104). Большой размер тунгусских печей дает основание предположить, что, как и у названных народов, они имели общественный характер и служили для нескольких семей (групп семей). Большая площадь основания – «пода» – позволяла посадить в печь одновременно много хлебов. Такой запас хлеба мог понадобиться перед уходом на промысел, перекопкой. Запасы печеного хлеба для

промысла делали и русские: на одного артельщика на 1,5–2 месяца осенне-зимнего промысла запасали 3–4 пуда печеного хлеба, 2–3 пуда сухарей (Бычков, 2003: 34). Относительно датировки бытования хлебных печей у эвенков можно предположить, что они существовали по крайней мере в конце XIX – начале XX вв., поскольку после советских преобразований было налажено снабжение населения не только мукой, но и печеным хлебом.

5. Заключение

Заимствование муки и хлеба тунгусами – масштабный социально-экологический и культурный процесс, который имел выраженный системный характер. Системность его состоит в прямых и обратных взаимосвязях, которыми переплетены физиологические потребности организма в восполнении энергии с пищей, культурные предпочтения, экология промысловых животных и состояния ландшафтов, протяженность кочевых маршрутов и обеспеченность оленями, климатические и почвенные условия, представления о вкусах пищи, о даре, дружбе, обязательствах и заботе. В архивных материалах и опубликованных источниках мы находим подтверждения неравномерной, но все же стабильной распространенности муки во всех группах тунгусов, ее высокой практически-жизненной и символической значимости. На примере муки и хлеба мы видим, как пищевая инновация становится традицией, завязывая вокруг себя узелки социальных связей, родственных и соседских контактов, стимулируя локальные администрации к гибкости форм поддержки тунгусов, внедряясь в мифологию и фольклор. Полученные результаты позволяют скорректировать распространенную точку зрения о том, что главными потребителями муки были полусоседные группы, а мобильные охотники-оленоводы питались в основном продукцией промыслов.

6. Благодарности

Исследование выполнено М.В. Рагулиной за счет средств государственного задания (№ госрегистрации темы АААА-А17-117041910171-7) и А. А. Сириной при финансовой поддержке проекта РНФ «Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических и экологических изменений» (№ 18–18–00309) по договору ГПХ в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Литература

- Алексеева, 2012 – Алексеева Е.К. Трансформации в традиционном питании тунгусоязычных этносов Якутии // *Гуманитарный вектор*. 2012. № 2. С. 143-147.
- Бурлаев, 2019 – Бурлаев И.И. Воспоминания бухгалтера эвенкийского колхоза / По верховьям Лены и Киренги. М., Иркутск: ИОКМ, 2019. 348 с.
- Бычков, 2003 – Бычков О.В. Охотничий промысел русского населения таежного Прибайкалья во второй половине XVII–XX веках // *Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы»*. 2003. Вып. 2. 120 с.
- Василевич, 1936 – Василевич Г.М. Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Л.: Изд-во института народов Севера, 1936. 290 с.
- Василевич, 1966 – Василевич Г.М. Исторический фольклор эвенков: Сказания и предания. М., Л.: Наука, 1966. 400 с.
- Василевич, 1969 – Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
- Воскобойников, 1967 – Воскобойников М.Г. Фольклор эвенков Прибайкалья. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1967. 184 с.
- ГАИО – Государственный архив Иркутской области.
- Иващенко, 2011 – Иващенко Я.С. Образ кормящего ландшафта в культуре питания тунгусо-маньчжуров Приамурья // *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*. 2011. № 1. С. 199-203.
- Кларк, 1863 – Кларк П. Очульские и тутурские тунгусы в Верхоленском округе // *Записки ВСОРГО*. 1863. Кн. VI. С. 87-96.
- Конев, 2017 – Конев А.Ю. Дар, дань и торговля: антропология взаимодействия автохтонов Сибири и русских в XVII–XIX вв. // *Этнографическое обозрение*. 2017. № 1. С. 43-56.
- Крупник, 1989 – Крупник И.И. Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 272 с.
- Материалы, 1929 – Материалы Приполярной переписи 1926–1927 гг. в Сибирском крае. Вып. 2. Новосибирск, 1929. 200 с.
- НАРБ – Национальный архив Республики Бурятия.
- Никульшин, 1939 – Никульшин Н.П. Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. 75 с.
- Орлов, 1857 – Орлов. Баунтовские и ангарские бродячие тунгусы // *Вестник Императорского русского географического общества*. 1857. Ч. 21. № 6. Вып. 2. С. 180-192.
- Петри, 1930 – Петри Б.Э. Охота и оленеводство у тутурских тунгусов в связи с организацией охотхозяйства. Иркутск, 1930. 103 с.

- Попов, 1926** – Попов Н.П. Пища тунгусов. Иркутск: Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества, 1926. 32 с.
- Рагулина, 2000** – Рагулина М.В. Коренные этносы Сибирской тайги: мотивация и структура природопользования (на примере тофаларов и эвенков Иркутской области). Новосибирск: Издательство СО РАН, 2000. 163 с.
- Рагулина, 2009** – Рагулина М.В. Традиционные способы жизнеобеспечения эвенков Прибайкалья // *География и природные ресурсы*. 2009. № 2. С. 109-116.
- Самохин, 1929** – Самохин А.Т. Тунгусы Бодайбинского района // *Сибирская живая старина / ВСОРГО*. 1929. Вып. 8–9. 1929. С. 5-66.
- Сирина, Шинковой, 2007** – Сирина А.А., Шинковой А.И. Неизвестное наследие Сибиряковской (Якутской) экспедиции (1894–1896): письма В.И. Иохельсона во ВСОИРГО // *Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы*. 2007. № 33. С. 331-368.
- Сирина, Давыдов, 2017** – Сирина А.А., Давыдов В.Н. "...Не имеющие ни хлебопашества, ни скотоводства, ни оленей, а только одну лишь речку эту": патернализм и рыночная экономика в Северо-Восточном Прибайкалье // *Этнографическое обозрение*. 2017. № 1. С. 70-85.
- Спасский, 1822** – Спасский Г. Забайкальские тунгусы // *Сибирский Вестник*. 1822. Вып. 18–20. 50 с.
- Старцев, 2010** – Старцев А.Ф. Традиционная культура и питание дальневосточных эвенков в прошлом и настоящем // *Россия и АТР*. 2010. № 1. С. 60-69.
- Туголуков, 1985** – Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М.: Наука, 1985. 283 с.
- Тучков, 2015** – Тучков А.Г. Мука и хлеб в культуре селькупов // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2015. № 4 (10). С. 99-108.
- Шерстобоев, 1949** – Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Иркутск: Иркутское областное издательство, 1949. 596 с.
- Шерстобоев, 1957** – Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 2. Илимский край во II–IV четвертях XVIII века. Иркутск: Иркутское областное издательство, 1957. 674 с.
- Широкогоров, 2017** – Широкогоров С.М. Социальная организация северных тунгусов (с вводными главами о географии расселения и истории этих групп): Монография. Сер. Этнографическая библиотека. М.: Наука – Восточная литература, 2017. 710 с.
- Шубин, 2007** – Шубин А.С. Эвенки. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2007. 360 с.
- Ssorin-Chaikov, 2003** – Ssorin-Chaikov N. Social Life of State in Subarctic Siberia. Stanford: Stanford University Press, 2003. 261 p.

References

- Alekseeva, 2012** – Alekseeva, E.K. (2012). Transformatsii v traditsionnom pitanii tungusoyazychnykh etnosov Yakutii [Transformations in the traditional diet of the Tungus-speaking ethnic groups of Yakutia]. *Gumanitarnyi vektor*. 2: 143-147.
- Burlaev, 2019** – Burlaev, I.I. (2019). Vospominaniia buhgaltera evenkiiskogo kolkhoza. Po verkhoviam Leny i Kirengi [Memoirs of an accountant of the Evenk collective farm. Along the upper reaches of the Lena and Kirenga]. М., Irkutsk: IOKM. 348 p.
- Bychkov, 2003** – Bychkov, O.V. (2003). Okhotnichii promysel russkogo naseleniia taezhnogo Pribaikal'ia vo vtoroi polovine XVII-XX veke [Hunting of the Russian population of the taiga Cisbaikalia in the second half of the XVII-XX century]. *Izvestiia Arkhitekturno-etnograficheskogo muzeia «Tal'tsy»*. 2: 120.
- GAIO** – Gosudarstvennyi arhiv Irkutskoi oblasti [The State Archive of Irkutsk region].
- Ivashchenko, 2011** – Ivashchenko, I.A.S. (2011). Obraz kormyashchego landshafta v kul'ture pitaniia tunguso-man'chzhurov Priamur'ia [The image of the feeding landscape in the food culture of the Tungus-Manchus of the Amur Region]. *Obshhestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*. 1: 199-203. [in Russian]
- Klark, 1863** – Klark, P. (1963). Ocheul'skie i tuturskie tungusy v Verholenskom okruge [Ocheul and Tutura Tunguses in Verkholsk district]. *Zapiski VSORGO*. VI: 87-96. [in Russian]
- Konev, 2017** – Konev, A.Yu. (2017). Dar, dan' i trgovlia: antropologiiia vzaimodeistviia avtokhtonov Sibiri i russkikh v XVII–XIX vv. [Gift, Tribute, and Trade: An Anthropology of Interaction between the Natives of Siberia and the Russians in the 17th–19th Centuries]. *Etnograficheskoe Obozrenie*. 1: 43-56. [in Russian]
- Krupnik, 1989** – Krupnik, I.I. (1989). Arkticheskaiia etnoekologiiia: Modeli traditsionnogo prirodopol'zovaniia morskikh ohotnikov i olenevodov Severnoi Evrazii [Arctic ethnoecology: Models of traditional nature management of sea hunters and reindeer breeders of Northern Eurasia]. М.: Nauka. 272 p. [in Russian]
- Materialy, 1929** – Materialy Pripoliarnoi perepisi 1926–1927 gg. v Sibirskom krae [Materials of the Subpolar Census 1926–1927 in the Siberian region]. Vyp. 2. Novosibirsk, 1929. 200 p. [in Russian]
- NARB** – Natsional'nyi arhiv Respubliki Buriatii [The National archive of the Republic of Buryatia].

- Nikul'shin, 1939** – *Nikul'shin, N.P.* (1939). Pervobytnye proizvodstvennye ob'edineniia i sotsialisticheskoe stroitel'stvo u evenkov [Primitive production associations and construction of socialism among the Evenks]. L: Izd-vo Glavsevmorputi. 75 p. [in Russian]
- Orlov, 1857** – *Orlov* (1857). Bauntovskie i angarskie brodyachie tungusy [Bauntovsk and Angarsk Wandering Tunguses]. *Vestnik Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. Ch. 21, 6(2): 180-192. [in Russian]
- Petri, 1930** – *Petri, B.E.* (1930). Okhota i olenevodstvo u tuturskikh tungusov v svyazi s organizatsiei okhothozyastva [Hunting and reindeer husbandry among the Tutura Tunguses in connection with the organization of the hunting farm]. Irkutsk. 103 p. [in Russian]
- Popov, 1926** – *Popov, N.P.* (1926). Pishcha tungusov [Food of Tunguses]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskii Otdel Russkogo Geograficheskogo Obshchestva. 32 p. [in Russian]
- Ragulina, 2000** – *Ragulina, M.V.* (2000). Korennye etnosy Sibirskoi taigi: motivatsiia i struktura prirodopol'zovaniia (na primere tofalarov i evenkov Irkutskoi oblasti) [Indigenous ethnic groups of the Siberian taiga: motivation and structure of nature management (on the example of the Tofalars and Evenks of the Irkutsk region)]. Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN. 163 p. [in Russian]
- Ragulina, 2009** – *Ragulina, M.V.* (2009). Traditsionnye sposoby zhizneobespecheniia evenkov Pribaikal'ia [Traditional ways of life-support of the Evenks of the Baikal region]. *Geografiia i prirodnye resursy*. 2: 109-116. [in Russian]
- Samokhin, 1929** – *Samokhin, A.T.* (1929). Tungusy Bodaibinskogo raiona [Tunguses of Bodaibo region]. *Sibirskaiia zhivaia starina /VSORGO*. 8–9: 5-66. [in Russian]
- Sirina, Davydov, 2017** – *Sirina, A.A., Davydov, V.N.* (2017). "...Ne imeushchie ni khlebopashestva, ni skotovodstva, ni olenei, a tol'ko odnu lish' rechku etu": paternalizm i rynochnaia ekonomika v Severo-Vostochnom Pribaikal'e ["...Having neither Grain Farming nor Stock Breeding nor Reindeer but Only This One River": Paternalism and Market Economy in the North-East Baikal Area]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1: 70-85. [in Russian]
- Spasskii, 1822** – *Spasskii, G.* (1822). Zabaikal'skie tungusy [Transbaikal Tunguses]. *Sibirskii Vestnik*. 18-20: 50. [in Russian]
- Startsev, 2010** – *Startsev, A.F.* (2010). Traditsionnaia kul'tura i pitanie dal'nevostochnykh evenkov v proshlom i nastoyashchem [Traditional Culture and Food of the Far Eastern Evenks in the Past and Present]. *Rossiia i ATR*. 1: 60-69. [in Russian]
- Tugolukov, 1985** – *Tugolukov, V.A.* (1985). Tungusy (evenki i eveny) Srednei i Zapadnoi Sibiri [Tunguses (Evenks and Evens) of Central and Western Siberia]. M.: Nauka. 283 p. [in Russian]
- Tuchkov, 2015** – *Tuchkov, A.G.* (2015). Muka i khleb v kul'ture sel'kupov [Flour and bread in the Selkup culture]. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovani*. 4 (10): 99-108. [in Russian]
- Sherstoboev, 1949** – *Sherstoboev, V.N.* (1949). Ilimskaia pashnia. T. 1. Pashnia Ilimskogo voevodstva XVII i nachala XVIII veka [Ilim arable land. Vol. 1. Arable land Ilim province of the XVII and beginning of the XVIII century]. Irkutsk: Irkutskoe oblastnoe izdatel'stvo. 596 p. [in Russian]
- Sherstoboev, 1957** – *Sherstoboev, V.N.* (1957). Ilimskaia pashnia. T. 2. Ilimskii krai vo II – IV chetvertiakh XVIII veka [Ilim arable land. Vol. 2. Ilimsk region in the II–IV quarters of the XVIII century]. Irkutsk: Irkutskoe oblastnoe izdatel'stvo. 674 p. [in Russian]
- Shirokogorov, 2017** – *Shirokogorov, S.M.* (2017). Social'naia organizatsiia severnykh tungusov [Social organization of the northern Tunguses]. M.: Nauka – Vostochnaia literatura. 710 p. [in Russian]
- Shubin, 2007** – *Shubin, A.S.* (2007). Evenki. [Evenki]. Ulan-Ude: Respublikanskaia tipografiia. 360 p. [in Russian]
- Ssorin-Chaikov, 2003** – *Ssorin-Chaikov, N.* (2003). Social Life of State in Subarctic Siberia. Stanford: Stanford University Press. 261 p.
- Vasilevich, 1936** – *Vasilevich, G.M.* (1936). Sbornik materialov po evenkiiskomu (tungusskomu) fol'kloru [A collection of materials on the Evenk (Tungus) folklore]. L.: Izdatel'stvo instituta narodov Severa. 290 p. [in Russian]
- Vasilevich, 1966** – *Vasilevich, G.M.* (1966). Istoricheskii fol'klor evenkov: Skazaniia i predaniia [Historical folklore of the Evenks: legends and traditions]. M.: L.: Nauka. 400 p. [in Russian]
- Vasilevich, 1969** – *Vasilevich, G.M.* (1969). Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII – nachalo XX v.) [Evenki. Historical and ethnographic sketches (XVIII – early XX century)]. L.: Nauka. 304 p. [in Russian]
- Voskoboinikov, 1967** – *Voskoboinikov, M.G.* (1967). Fol'klor evenkov Pribaikal'ia [Folklore of the Evenks of the Baikal region]. Ulan-Ude: Buriatskoe knizhnoe izdatel'stvo. 184 p. [in Russian]

Мука и хлеб в жизнеобеспечении тунгусов Средней и Южной Сибири во второй половине XVII – начале XX веков

Милана Владимировна Рагулина ^{a, b, *}, Анна Анатольевна Сирина ^c

^a Институт географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения Российской Академии наук, Российская Федерация

^b Иркутский государственный университет, Российская Федерация

^c Институт этнологии и антропологии Российской Академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрено вхождение муки и хлеба в культуру и жизнеобеспечение локальных групп тунгусов Средней и Южной Сибири. Падение соболиного промысла рассматривается как стимул длительной и сложной динамики систем жизнеобеспечения эвенков, ведущей к внедрению муки и хлеба. Сборщики ясака должны были предотвратить утечку пушнины к крестьянам и в то же время вынуждены были допустить обменные связи тунгусов и русских. Таким образом, было положено начало создания разветвленной неофициальной сети социального взаимодействия, совместного выживания и культурных контактов, где немаловажную роль играл хлеб. Показано влияние социальных и экологических кризисов на перестройку энергетических источников тунгусского жизнеобеспечения. Рассмотрена символическая роль мучной пищи, ее трансформирующее воздействие на формирование гибридных форм природопользования, контактов с государством, рынком и крестьянским окружением, вскрыты особенности каналов снабжения мукой и связанные с этими каналами противоречивые социальные отношения. От непривычного и отвергаемого продукта менее чем за два века мука становится стратегическим ресурсом, важным для выживания тунгусов, независимо от их хозяйственной ориентации: охотников-оленоводов, охотников-скотоводов и переходящих к оседлости, смешанных с русскими групп. Значение муки отражено в повседневных практиках, духовной культуре, развитии технологий приготовления пищи и хлебопечения. Официальные каналы снабжения тунгусов мукой создавали разветвленные неформальные сети социальной взаимопомощи, переплетенные отношениями дарообмена, обмена, торговли, гощения и угощения. Они поддерживали энергетический баланс тунгусов, создавали основной социальный и культурный капитал региона – сибирскую полиэтничную социальную среду.

Ключевые слова: Сибирь, мука, хлеб, тунгусы, эвенки, традиционное жизнеобеспечение, хозяйственные связи, полиэтничная социальная среда.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: milanara@yandex.ru (М.В. Рагулина)